Александр Малышев

Синтетическая радость

Александр Малышев

Синтетическая радость

https://litres.ru/74728682
SelfPub; 2026

Аннотация

парень в маске клоуна смотрит на девочку сверху вниз а фон темно синий и там стоит фургон

Александр Малышев
Синтетическая радость

Глава 1 Клоун

Меня зовут Артур. Мне двадцать пять, и я клоун.

Точнее, работаю им — долго, кропотливо. Веселю детей и взрослых. Точнее — они веселятся с меня, а не с меня... впрочем, вы поняли.

Временами я слышал разговоры о себе. И разговоры эти были не из приятных. В их словах я был и бедолагой, и неудачником. Девушки говорили обо мне особенно — шептались за углом, что я жалок: лысый нос, красный от грима, тридцать лет в одном парике и ни одной серьёзной мысли в голове. Я слышал это сквозь занавеску цирковой уборной, где красный нос висел на гвозде, как чей-то отрезанный.

Но мне было всё равно. Больше всего на свете я любил смешить детей. Они не жалелили меня, не оценивали, не измеряли успехом — они просто хохотали. А я получал за это деньги. Точнее — не деньги. Деньги — это было потом, в конверте у администратора. А в моменте я получал их улыбку. И мне становилось легче.

Я живу в однушке, которая давит на виски.

Хозяйка — Галина Петровна, злая, высохшая до костей бабка, жадная до судорог. Она постоянно срывается на меня из-за входной двери. — до конца дожимай, ирод! — орет

она из-за стены, когда я возвращаюсь со смены. — Замок хлипкий, вскроют, вынесут всё!

Я стою перед этой дверью и давлю на нее плечом, пока язычок не скрежетнет о косяк. Я тысячу раз говорил ей: «Галина Петровна, давайте починим замок, это же ваша безопасность». Но ей всегда некогда. Ей всегда «потом». Зато орать на меня за эту чертову железку у нее силы находятся всегда.

Денег от работы клоуна выходит с гулькин нос.

После оплаты Галине я часто просто голодаю. Не от диет — от пустоты. В холодильнике только лед и забытый пакет кефира. Семьи у меня нет. Девушки — тем более. Я один в этом огромном, жрущем людей городе.

Иногда я смотрю на себя в треснутое зеркало в ванной и думаю: всё. Бросить этот поролон. Устроиться курьером, фасовщиком на склад, куда угодно. Там хотя бы спина болит от честных коробок, а не от того, что ты час прыгал с идиотским мячиком под детские песни.

Но я так и не решился. Испугался. Проще натянуть красный нос, чем признать, что твоя жизнь — провал. Так и остался там.

Бывало, на работе я видел, как тяжело больные дети, лысые от химии, с катетерами в руках, тянулись ко мне. Они улыбались мне так, как не улыбались здоровым родителям. В эти моменты мне казалось, что я что-то значу. Я хотел подарить им эту радость.

Но когда гасли софиты и я выходил в холодный вечер, от моей улыбки не оставалось ничего. Я стягивал с лица резину, смывал грим, и под маской шута была только выжженная пустыня. Ни капли радости. Жизнь клопа, если называть вещи своими именами.

В тот день, когда я закончил очередную смену, случилось то, чего не было годами. Меня заметили.

Заказчик — какой-то богач — подошел сам. У него на руках рыдала маленькая именинница, а он смотрел на меня трезвым, оценивающим взглядом.

— Ты хорош, — сказал он. — Не как эти

аниматоры-студенты. Приезжай ко мне в субботу. У нас закрытая вечеринка. Юбилей. Нужен костюм, фрак, всё как положено. Мы заплатим. Хорошо заплатим.

Он звал меня в другой мир. Туда, где люди не считают мелочь у кассы. Обо мне могли заговорить по-другому. Меня могли перестать жалеть.

И я всё испортил.

— У меня нет фрака, — промямлил я, глядя в пол. — И денег на прокат сейчас нет.

Я отказался. Сам. Из-за чертового фрака. Он пожал плечами и ушел к гостям.

Это грызло душу сильнее голода. Мне хотелось влить в себя бутылку дешевой водки, чтобы просто выключить мозг, стереть этот день. Но я не стал. Не было денег даже на водку. Я просто зашел в свою конуру, закрыл эту проклятую дверь

плечом и рухнул спать.

Сквозь сон я почувствовал холод. Я открыл глаза.

В изножье моей кровати стояла Галина Петровна. Она просто стояла и смотрела на меня в тусклом свете фонаря с улицы.

Сердце ударило в горло. Я подскочил, срывая голос:

— Какого черта?! Что вы тут делаете?! Как вы сюда попали?!

Она даже не смутилась. Не извинилась. Она медленно перевела взгляд с моего перепуганного лица на дверной проем и начала свой монотонный, скрипучий наезд:

— Замок. Я же говорила. Его надо не просто толкать. Его надо вдавливать. С усилием. Ты язычок не дожал. Я зашла проверить, всё ли цело.

Мне казалось, что я схожу с ума. Мой дом. Моя кровать. Мой страх. А она стоит и объясняет мне физику работы железной защелки, как будто это важнее того, что она вошла в чужое жилье без стука. Я прищурился, пытаясь проснуться.

— Ладно, — выдавил я. — Всё. Я понял. Я дожму. — Денег не забыла? — она проигнорировала мой тон. — Завтра в девять утра будь готов. Отдашь за месяц.

— Ладно.

Она кивнула, развернулась и вышла. даже не прикрыла дверь за собой плотно. Мне пришлось вставать, ковылять в коридор и самому с силой вдавливать эту чертову дверь, слу-

шая, как щелкает ненавистный замок. Я лег обратно. В комнате пахло пылью и моим одиночеством. За окном сигналила чья-то дорогая машина. Я закрыл глаза, но сон не шел. В голове стучало только одно: «Фрак. Надо было найти чертов фрак».

Я так и не смог уснуть. Выпив чертов растворимый кофе, который кислил и царапал горло, я поплелся на работу.

И сегодня, по какому-то изощренному счастливому случаю, мне достался «ангелочек». Тот самый тип детей, которого хочется либо придушить, либо сдать его родителям в отдел по делам несовершеннолетних со словами: «Воспитывайте сами, у меня не получается». Я вел себя профессионально. Я улыбался. Я пытался найти контакт, приседал на корточки, показывал ему фокусы с исчезающим шариком. А ему было плевать. Ему было абсолютно всё равно, что я тут разрываюсь.

Я протянул ему тарелку с этим чертовым тортом — тяжелый пластик, взбитые сливки. Он посмотрел на меня, прищурился, а потом просто смахнул её на пол.

— Не хочу. Отвали, клоун.

Внутри что-то оборвалось с сухим треском. Я запомнил это. «Развлекай, шут».

Я не выдержал. Буркнул что-то про «сейчас приду» и буквально сбежал от него за кулисы, к коробке с реквизитом. Меня трясло. Я схватил стопку пластиковых тарелок и с силой швырнул их в стену. Они разлетелись с сухим, мертвяц-

ким треском. Я мял их в руках, сгибал пополам пластиковые ножи, пытаясь физически выломать из костей это желание заорать. Но злость не выходила. Она застряла в челюсти. И тут, как вишенка на торте, подошла его мать. — Он у меня ангелочек, — прощебетала она, улыбаясь. — Вы только с ним помягче, ладно?

Он всё-таки добрый, ранимый мальчик. «Ангелочек, мать твою. Добрый? Ему ремень нужен хороший, чтобы как шелковый стал», — подумал я.

Но вслух я сказал совсем другое. Слова вышли с горечью, скрипучие: — Ладно. Я постараюсь.

И тут же, не давая мне и секунды, она добила меня своей идеальностью:

— Нет-нет, вы не постарайтесь. Вы сделайте.

Точно.

Как же меня бесит эта черта в людях. Эта долбаная родительская спесь. Я тянусь к ним из последних сил, выворачиваюсь наизнанку, а они брыкаются. Они стоят со своим латте и указывают мне, как правильно любить их выродков.

Стиснув зубы так, что заныли десны, я сказал:

— Ладно.

Я развернулся и пошел к этому демону. Я коекак дотянул этот день. У меня не было сил. Вообще. Эта работа и этот мелкий садист высосали из меня всё, до последней капли. Я хотел только спать.

домой я шел на автопилоте. В подъезде я вспомнил про

Галину. Я навалился на дверь плечом, чувствуя, как холодный металл замка впивается в ладонь, дожал язычок до упора.

Щелк.

Я вошел в комнату, содрал с себя пропотевший костюм, бросил его комом на стул и рухнул на кровать, не раздеваясь. И провалился в черный, глухой сон без сновидений.

Глава 2 Шанс

На следующий день всё было иначе. После утренника в частном саду, где я еле отбился от того «ангелочка», ко мне подошли не родители. Это были двое мужчин в идеально скроенных, несмотря на жару, костюмах. От них пахло дорогим табаком и уверенностью. Тот самый вчерашний богач, который звал на юбилей, стоял рядом и просто кивал.

— Артур, — сказал один из них, протягивая мне визитку. Пластик, тяжелый, с золотым тиснением. — Мы поговорили. Ты нам нужен. Не для детских утренников.

Он говорил о корпоративных праздниках, о закрытых вечеринках в загородных клубах. О стабильном контракте.

— Мы платим в месяц столько, сколько ты сейчас не зарабатываешь и за полгода, [redacted] добавил второй. — Плюс премии. Костюмы за наш счет. Машина, если нужно.

Они говорили про «перспективы», «имидж» и «уровень». Они смотрели не на мой дурацкий рыжий парик, а на меня. На Артура. И я, кажется, впервые за год стоял ровно, не сутулясь. Я взял визитку. Пластик был прохладным и гладким.

— Я... я согласен, — выдавил я. — Когда приступать?

— Мы наберем, — он кивнул на визитку. — Позвони завтра в офис. Скажи, что от Виктора Сергеевича.

Они ушли. А я остался стоять посреди газона с пластиковой тарелкой недоеденного торта в руке. Мне казалось, что у меня за спиной выросли крылья. Галина Петровна. Коллекторы. Ворованные деньги. Всё это вдруг стало мелким, решаемым. У меня есть номер. У меня есть будущее.

Я закончил смену, сдал реквизит. Вышел на улицу.

И тут небо рухнуло.

В городе начался настоящий ливень. Не просто дождь, а сплошная стена воды. Я стоял на остановке под козырьком, но это не спасало — ветер гнал воду сбоку, заливая за шиворот. Я промок насквозь за тридцать секунд. Рубашка прилипла к телу, дешевые тканевые штаны стали тяжелыми и холодными.

Я полез в карман за пакетом, чтобы спрятать визитку. Но пакета не было. Я забыл его в гримерке.

Визитка была во внутреннем кармане куртки. Я судорожно нащупал её сквозь мокрую ткань.

Вытащил.

Пластик... был мягким.

Я разлепил пальцы. Золотое тиснение «Виктор Сергеевич» плыло, как акварель. Номер телефона превратился в серое, липкое пятно. Краска с дешевой подкладки куртки потекла прямо по визитке, смазывая цифры. Я стоял под до-

ждем, глядя на этот кусок оплывшего пластика.

Всё.

Не будет звонка. Не будет контракта. Не будет машины. Машина, которая должна была увезти меня из этого района, из-под надзора Галины Петровны, просто растворилась в дожде. Я разжал руку. Визитка выпала из мокрых пальцев и шлепнулась в лужу, мгновенно утонув в грязной воде, смешанной с городской пылью.

Я не стал её поднимать.

Я вышел из-под козырька прямо под ливень. Вода хлестала по лицу, смывая остатки надежды. Я шел домой пешком, потому что на автобус не было сил. Я закрыл дверь — на этот раз нажав так, что заболело плечо, — скинул мокрую, воняющую псиной одежду прямо на пол и лег.

Спать. Всё, что я хотел — это просто выключиться. Мир снова поставил меня на место. Я — клоун. Я — клоп. И на мне, как на этом куске пластика, всё смывается первым же дождем.

Наступили выходные, но даже они не дали мне передышки.

В субботу утром меня разбудил не будильник, а звук скрежета по асфальту. Я выглянул в окно и увидел их — пенсионеров. Весь дворовый актив уже был на улице с граблями.

Субботник. да какой, к черту, субботник. Мне казалось, что этот анахронизм нужен только им, чтобы было куда деть свою неуемную энергию. Я решил не выходить. Я просто хо-

тел спать. Но через час в дверь без стука вошла Галина Петровна.

— Артур, все выходят. Убираем территорию.

Мусор, траву, всё. Живо.

Мне было плевать на их мусор. Мне было плевать на траву. Но спорить с ней — себе

дороже. Я натянул старые джинсы и пошел. — Я буквально на час, Галина Петровна, [redacted]соврал я. — У меня дела.

— Куда ты денешься, — отрезала она. Меня не отпустили. Ко мне тут же прилипла какая-то бабка из соседнего подъезда. Ей так не хватало разговоров, что она вцепилась в меня, как клещ. Я стоял с граблями, кивал, а она рассказывала мне свою жизнь. От рождения в деревне до больной поясницы в семьдесят лет. Я такого наслушался, что хотелось закопать себя вместе с этим прошлогодним листом. Нас было трое на этом гребаном субботнике.

Весь наш огромный многоквартирный дом.

Всем, видите ли, «надо». Что-то я не видел этого «надо» в будни. Это нужно только тем, у кого дел нет. Тем, кому просто нечего делать. Если у нас есть дворник, нанятый на наши же деньги, то зачем эти показательные чистки? Они ушли в прошлый век еще со школы, а теперь бесят меня еще больше.

Когда я наконец вырвался и зашел в подъезд, ноги гудели. дома я первым делом пошел на кухню. Есть хотелось звер-

ски.

Я взял сковородку. Ручка держалась на одном честном слове и куске изоленты. Я недавно перемотал её скотчем, чтобы она не отвалилась мне на ногу.

Достал яйца. Разбил на шипящее масло. Получилось вкусно. Господи, хоть что-то хорошее за сегодня.

Я сидел на кухне в темноте.

Свет я не включал — экономил электроэнергию.

Это не от нищеты, это чисто... экономия. Разницы нет, с фонариком от телефона жевать или при лампе, а счетчик крутится медленнее.

Было тихо. И одиноко.

Я сидел один, ел эти чертовы яйца и смотрел в окно, на МОКРЫЙ асфальт двора, который мы только что вычистили. А я хотел смотреть не в окно. Я хотел смотреть на девушку. На свою. Чтобы она сидела напротив, болтала ногами и смеялась.

Но её не было. И, кажется, не предвиделось. «Ну ничего, — подумал я с набитым ртом. — Может, когда-нибудь найдется. Та, которой будет плевать, что у меня пахнет поролоном от куртки».

Я доел прямо со сковородки, даже не перекладывая на тарелку — меньше мыть.

допил холодный чай.

Снял мокрую одежду, бросил её на стул и рухнул в кровать. Всё, что я хотел — это просто выключиться до утра.

На утро я встал и, на удивление, выспался. Впервые за долгое время — глубоко, без дерганых снов о работе.

Пошел проверить одежду на сушилке в коридоре. Ткань была влажной, холодной и пахла сырой псиной. Не высохла. Повезло, что сегодня не на работу, иначе пришлось бы идти в мокром. Я дожал её руками, насколько хватило сил, и повесил обратно.

Одежда высохла примерно к полудню. Солнце всё-таки пробилось сквозь тучи. Я вышел на улицу.

Проходя мимо окон первого этажа, я замер. В огромной плазме, висящей прямо над фикусом, шел какой-то сюжет про аниматоров.

Там, на экране, клоун смешил детей. Искренне, широко, профессионально. дети были счастливы.

Но потом камера сменилась. Клоун зашел в пустую гримерку. Снял резиновую улыбку. И вид у него стал таким... пустым. Глаза — две черные дыры. Улыбка исчезла с резинового лица, и стало понятно, что этому человеку вообще не хочется жить, не то что работать.

Я стоял на тротуаре, вцепившись пальцами в лямку рюкзака, и смотрел на него. Я видел себя.

Каждую секунду этой фальши.

И в этот момент я поймал себя на мысли, которая давно должна была сдохнуть: «А может, всё-таки повезет? Я же хорошо работаю. должно же когда-то...»

Мысль не успела закончиться.

Черный тонированный седан, летевший по луже, даже не притормозил. Волна грязной, ледяной воды, перемешанной с машинным маслом и городской пылью, ударила мне прямо в лицо, залилась за шиворот, в ботинки.

Холод был такой, что перехватило дыхание. — Ты совсем, что ли, охринел?! — крикнул я вслед, сам не понимая, откуда взялись силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.